

Преподобный Исаак Сирин. Кем был автор «Слов подвижников»?

«Как человек, который пьет вино в день плача и, упившись, забывает всякую печаль о своем трудном положении, так и упоенный любовью Божией во всем мире, который дом плача, забывает все свои труды и печали и по причине своего упоения делается нечувствительным ко всем греховным страстям. Сердце его подкрепляется надеждой на Бога; душа его легка, как пернатая птица; ум его ежечасно возносится от земли превыше всего человеческого, парит приснопочтением помыслов своих и наслаждается среди бессмертных у Всевышнего».

Такие удивительные слова прочли Патрикий и Авраамий, иноки палестинского монастыря святого Саввы Освященного, подвизавшиеся там в конце VIII или начале IX века, в сирийской рукописи. В ней были собраны Слова сирийского подвижника по имени Исаак, содержавшие поразительное знание человеческой природы, а также ведение духовных тайн. Кроме того, там были и практические советы всем, кто идет трудным путем богопознания и устройства собственной души.

Несомненно, автор говорил не «в теории», но основываясь на собственном богатом духовном опыте. Вот как он сам свидетельствует об этом: «Что художник, который живописует на стенах воду и не может этой водой утолить своей жажды, и что человек, который видит прекрасные сны, то же и слово, не оправданное деятельностью. Кто говорит о добродетели то, что сам испытал на деле, тот так же передает это слушающему его, как иной отдаст другому деньги, добытые своим трудом».

Патрикий и Авраамий понимали, что перед ними — величайшее сокровище сирийской духовной традиции, которое может принести пользу не только подвизающимся с ними братьям, но и всем православным христианам. Они перевели рукопись на греческий язык. Так

православный греческий Восток обогатился удивительным творением святоотеческой мысли — «Словами подвижническими», которые в дальнейшем стали любимым чтением в Византийской империи, а затем и на Руси. Их переписывали, их помещали в монастырские библиотеки, ими руководствовались иноки, да и благочестивые миряне, внимательные к своей духовной жизни, старались иметь «Слова» в своем домашнем книжном собрании.

Но под чьим же пером родились эти удивительные поучения? Их автора звали Исаак. Традиционно его стали именовать Исаак Сирин, то есть Сириец, — видимо, по аналогии с его святым соотечественником Ефремом Сириным.

Шли века. Творения преподобного Исаака, имя которого имело безграничный богословский авторитет и было овеяно ореолом суровой древней святости, были переведены на множество мировых языков. С греческого текста был сделан перевод на арабский, грузинский, славянский и латинский языки (X–XV вв.), а с латинского — на французский, итальянский, каталанский, испанский и португальский (XV–XVI вв.). Позже, вновь с греческого языка, текст «Слов подвижнических» был переведен на румынский (1781 г.), русский (1854 и 1911 гг.), новогреческий (1871 г.), французский (1981 г.) и английский (1984 г.) языки,

История этого святого великого мар Исхака. Было рождение его в восточной области из рода сирийского. И был у него младший брат. Стали подвизаться он и брат его в святой обители Мар-Маттай, большом общежитии. Они выделались своей мудростью и постническим усердием, брат его был сделан настоятелем монастыря и руководителем иноков.

Сам же святой мар Исхак после того, как навывк обычаям общежития, удалился в келью, расположенную вдали от монастыря, и там всего себя предал безмолвию и уединению, ни единого человека не встречая. Брат же его усердно писал ему в письмах, чтобы он вернулся в общежитие, но он пребыл твердым в этом. И вот, когда слава о его мудрости и святости распространилась, он был избран на престол Ниневийский.

И в первый же день, когда сидел он в епископской келье, пришли к нему двое тяжущихся. Один из них требовал от другого возврата долга, а тот признавал долг, но просил себе отсрочки, чтобы собрать сумму. Говорит на это нечестивый сей богач: «Если он не отдаст мне деньги, я обращусь к судье». Святой Исхак отвечал ему и сказал, что Святое Евангелие учит совсем не требовать того, что взято, значит, тем более нужно подождать, пока должник не справится со своим долгом. Но нечестивец на это отвечал: «Не надо разговоров о Евангелии!»

Сказал мар Исхак: «Если они Евангелия не слушают, что пришел я сюда делать?» Увидел святой, что епископские дела препятствуют уединенной жизни. И ушел он с епископства, и удалился в святую Скитскую пустыню, где и жил до самой смерти, достигнув высочайшего совершенства в святой жизни. Он был учителем и наставником для всех иноков и податель спасения каждому... Сей святой жил в начале седьмой тысячи лет от сотворения мира.

Следующий источник увидел свет в 1896 году, когда французский католический священник Ж. Б. Шабо опубликовал так называемую «Книгу целомудрия» — историко-биографическое сочинение Ишоднаха, несторианского епископа города Басры. Оно было написано во второй половине IX века, и там среди прочих биографических замечаний говорилось о некоем Исааке из Бет-Катрайте (современного Катара и его окрестностей), также епископе города Ниневии. Вот этот рассказ:

О святом Исааке, епископе Ниневийском... Он был поставлен в епископы на Ниневию католиком мар Геваргисом в монастыре Бет-Аве. После того как он управлял пять месяцев Ниневийской областью после епископа Моше, он отказался от епископства по причинам, известным только Богу, и поселился на горе. Некоторое время престол пустовал, затем воссел на него блаженный

Савришо... После того как оставил Исхак престол Ниневийский, он взошел на горы Загроса, которые окружают область Бет Хузайе, и жил в безмолвии вместе с тамошними отшельниками. Затем отправился в обитель Раббана Шапура... Он создал книги об иноческом делании и высказал три положения, которых не принимали многие... Когда же он достиг глубокой старости, преставился из временной жизни, а тело его было положено в обители Шапура. Родом он был из Бет Катрайе.

Через восемь лет, в 1904 году, был опубликован новый текст, содержащий сведения о жизни Исаака, епископа Ниневийского. Его автор остался неизвестен, а издателем был католический епископ Е. Рахмани. Приведем и этот источник:

Теперь запишем историю, сиречь преславные деяния блаженного отца мар Исхака... Сей мар Исхак Ниневийский по роду своему был из Катарской страны, которая находится ниже Индии. Когда он научился церковным книгам и толкованиям, то стал отшельником и учителем в своей стране. Когда пришел мар Геваргис католикос в его края, он прошел с ним в Бет Арамайе, ибо он был из семьи мар Гавриила Катарского, церковного толкователя.

Поставлен был мар Исхак во епископа Ниневийского в обители Бет-Аве. Но по причине остроты ума и ревности он смог лишь пять месяцев

именно так расшифровывается дата «в начале седьмой тысячи лет от сотворения мира») и скончался в Египте, в знаменитой Скитской пустыне.

Совершенно очевидно, что все эти сведения не могут одновременно относиться к одному человеку. Не будем сейчас разбираться в том, почему так получилось. Ошибка ли это средневековых авторов или заведомая ложь — кто знает? Сейчас нам важно другое. Вместо одной фигуры перед нами предстают две — два Исаака, жившие с разницей в век с лишним. Кто же из них — наш святой, почитаемый и любимый во всем православном мире преподобный Исаак Сирин?

Чуть позже мы обязательно ответим на этот вопрос. Но перед этим задумаемся: а бывают ли такие невероятные совпадения? Чтобы в разные эпохи жили два человека с одинаковыми именами, оба духовные писатели, оба епископы, причем одного и того же города, оба в краткое время оставившие свою кафедру и закончившие жизнь в подвигах благочестия? На первый взгляд это представляется совершенно невероятным. Но попробуем порассуждать об этом пока чисто теоретически.

Вот, например, два других сирийца, известные в истории Христианской Церкви. Обоих звали одинаково — Симеон. Даже их матери носили одно и то же имя Марфа. Они оба несли

о котором рассказывает Ишоднах и аноним Рахмани) — несторианин. Он родился в Катаре — местности, где были распространены несториане, а в епископы его рукоположил католикос несторианской Церкви Востока. Тогда кем же был тот Исаак, о котором повествует аноним Ассемани?

Об этом втором Исааке рассказывается, что он родился «в восточной области из рода сирийского». Что же это за «восточная область»? Для автора жития так вполне могли называться земли восточнее Дамаска, а именно окрестности Эдессы. Интересно, что эта догадка подтверждается анонимным аскетическим сочинением XIII — начала XIV веков, написанном на греческом языке, — «Надписанием о молчании и безмолвии». Этот текст был опубликован в 1770 году иеромонахом, а в будущем Астраханским архиепископом Никифором (Феотокисом) вместе с печатным изданием греческого перевода «Слов подвижнических». Там содержалась похвала автору «Слов» и сообщались некоторые биографические сведения о нем.

В частности, там говорилось: «Исаак, ведущий свой род от сирийцев и воспитанный недалеко от той Эдессы в Месопотамии, откуда вышел, как узнаем от Святых Писаний, и этот упомянутый ранее достойный удивления [патриарх] Авраам».

Эдесса, этот древний христианский город, занимает совершенно особое место в истории

Церкви. Его правители первыми в истории стали христианами — именно с Эдессой связано предание о царе Авгаре и Нерукотворенном образе Христа. Позже, во времена арианских споров, Эдесса была надежным оплотом православия и центром христианской учености. Там существовала высшая школа, в которую в 300 году в качестве студента поступил другой прославленный Церковью сириец — преподобный Ефрем Сирин. Долгое время там оставалось духовное влияние этой удивительной личности, жили его ученики. Учителя Эдесской школы читали со студентами Священное Писание, опираясь преимущественно на толкования этого преподобного.

Как мы видим, по крайней мере по рождению Исаак анонима Ассемани — православный. Теперь спросим себя: мог ли он перейти к несторианам впоследствии? Причина, которая первой приходит в голову, — ради принятия сана епископа. Но, по свидетельству анонимного автора, Исаак вовсе не рвался на епископскую кафедру: «Когда слава о его мудрости и святости распространилась, он был избран на престол Ниневийский». А из того, как быстро Исаак покинул епископский престол и вновь удалился в пустыню, мы видим, как мало он за него держался.

Однако даже если бы (предположим это) Исаак анонима Ассемани пожелал епископства,

ему вовсе не надо было для этого изменять православию. Мы помним, что, согласно источнику, он жил в V – начале VI века. Действительно, в V веке среди христиан Востока появились тенденции к церковной обособленности от Византийской империи, а значит, и от Антиохийской Православной Церкви. Тем не менее в это время там была еще вполне сильна законная церковная иерархия, подчинявшаяся патриарху Антиохийскому. В его юрисдикцию входил и уроженец Эдессы Ниневийский епископ Исаак.

Итак, перед нами два Исаака — Исаак Катарский и Исаак Эдесский. Один несторианин, другой православный. Кто же из них автор «Слов подвижнических»? Вопрос далеко не праздный, учитывая то, что в современных научных кругах Исаак Сирин давно и уверенно объявлен несторианином, с чем соглашаются, к сожалению, и многие православные исследователи. Попробуем разобраться в этом. Обратимся к тексту «Слов подвижнических» и постараемся увидеть, что в них опровергает, а что подтверждает данные биографических источников. К сожалению, зацепок у нас не так уж много, но они есть.

Первое, что обращает на себя внимание, — это дата. Время жизни Исаака Катарского (согласно и Ишоднаху, и анониму Рахмани) — VII век. Исаак Эдесский жил в VI веке, или, как говорит

самое начало VI века, что согласуется со свидетельством анонима Ассемани и ясно указывает на Исаака Эдесского как на автора «Слов подвижнических».

Второе, мимо чего никак нельзя пройти, — это семейные обстоятельства двух Исааков. У Ишоднаха о семье Исаака не говорится ничего. В житии, опубликованном Рахмани, сказано, что «он был из семьи мар Гавриила Катарского, церковного толкователя». В анонимном источнике Ассемани ничего не говорится о Гаврииле, но упоминается брат преподобного Исаака и рассказывается эпизод, связанный с ним. Теперь обратимся к «Словам подвижническим». Здесь об ученом Гаврииле, толкователе Священного Писания, не говорится ничего. А вот упоминание о брате автора мы там находим. Среди других Слов под номером 24 помещено письмо, озаглавленное «Послание к некоему брату естественному и духовному». В нем автор объясняет, почему не может нарушить свое уединение и прийти к адресату, что по смыслу вполне согласуется со свидетельством анонима Ассемани. Вспомним: там рассказывается о том, как брат преподобного неоднократно убеждал его вернуться в общежительный монастырь, но тот неизменно отказывался. Не лишним будет сказать, что биографическая ценность этого послания признается в научной среде.

некоторые доводы, которые здесь, быть может, будут совсем не лишними.

Во всех рукописях «Слов подвижнических» — и монофизитских, и несторианских, и православных — в качестве автора указывается Исаак Ниневийский. Так он фигурирует и в традиции несторианской Церкви Востока с древнейших времен. И Исаак Катарский, и Исаак Эдесский в приведенных биографических источниках именуются епископами города Ниневии. Но оба ли Исаака имели право так называться?

Ответ на этот вопрос не так очевиден, как может показаться. Дело в том, что титул «епископ Ниневийский», несомненно существовавший еще в VI веке, в VIII веке уже не употреблялся. Более того, к этому времени не только епископы, подчиненные митрополиту Арбельскому, перестали называться Ниневийскими, но и сам митрополит принял новый титул Аль-Маусульский, то есть Мосульский.

Титул «епископ Ниневийский» вплоть до VI века носил архиерей города Мосул, избравшийся из постриженников монастыря Мар-Маттай (где как раз и подвизался преподобный Исаак, согласно анониму Ассемани), а вовсе не Бет-Аве, куда помещают своего Исаака Ишоднах и анонимный автор, изданный Рахмани. Кстати говоря, истории известны имена более ста

епископов несторианской Церкви Востока, вышедших именно из этого монастыря Бет-Аве. Однако имени Исаака Ниневийского среди них нет. Нет его и в диптихах несторианских иерархов этого периода.

Более того, нет там и таких имен, как Моисей и Савришо, — предшественника и преемника, согласно Ишоднаху, Исаака на Ниневийской кафедре. Исаак, епископ Ниневии, отсутствует и в служебниках Церкви Востока.

Иными словами, история не знает несторианского епископа Исаака Ниневийского. А вот епископ Исаак из Катара ей известен. Правда, титул у него был совсем другой. Историкам известно, что, когда католикос Геваргис (тот самый, о котором Иошоднах и аноним Рахмани сообщают как об иерархе, поставившем Исаака на Ниневийскую кафедру) прибыл в Катар, он действительно рукоположил некоего Исаака в епископы, но не на Ниневийскую кафедру, а на местную — Хаттскую. Не этот ли человек — реальное историческое лицо — и является тем самым епископом Исааком из Катара, с которым спутал преподобного Исаака Сирина Ишоднах, а вслед за ним и анонимный автор, изданный Рахмани?

Ишоднаху, жившему в IX веке, тем легче было перепутать эти две исторические личности, отделенные от него несколькими веками, что

в его времена епископы города Ниневии носили титул Хаззских. И вот, к нему попадают сведения о двух духовных писателях. Один — Исаак, епископ Хаттский, другой — Исаак, епископ Хаззский. Оба оставили после себя свои писания, оба воспитали учеников и пользовались большим авторитетом. Ошибка могла возникнуть естественно. Решив, что речь идет об одном и том же человеке, Ишоднах объединил в своем повествовании сведения о личностях, между которыми пролегал век с лишком, смешав сведения о том и другом для большего, как ему наверняка казалось, правдоподобия.

Та же путаница коснулась, к сожалению, и творений преподобного Исаака. Аноним Ассеманисообщает, что преподобный Исаак «написал изящнейшим слогом четыре книги наставлений в монашеской жизни». Аноним Рахмани сообщает о пяти книгах. А в каталоге сирийских авторов, составленном в XIII веке, уже говорится о семи. Даже по одним этим цифрам видно, как «разрасталось» наследие преподобного Исаака спустя века после его блаженной кончины — ему приписывали сочинения других авторов, соименных ему.

Все это осталось бы скрытым в глубинах истории, если бы не находка, сделанная в самом конце XX века и вызвавшая ажиотаж в некоторых научных кругах. Речь идет о событии, произошедшем

полемического или догматического содержания, скрепленные между собой не всегда удачными вставками переписчиков.

Уже одно это свидетельствует о компилятивной природе так называемого «второго тома». Некоторые из помещенных туда фрагментов очевидным образом нарушают общую композицию сборника, угадывающуюся за позднейшими вставками составителей и переписчиков. Именно поэтому ученые нередко предпочитают называть этот новонайденный «второй том» вторым собранием из-за крайней разнородности входящих в него частей. Кстати говоря, дополнительным аргументом в пользу его составного характера является и тот факт, что в том виде и составе, в каком его нашел и опубликовал С. Брок, он никогда не был известен в сирийской православной среде.

И это неудивительно, ведь порой во «втором томе» высказываются не просто спорные с богословской точки зрения суждения, но излагается прямая ересь. Так, неведомый автор некоторых трактатов мысль о вечности гееннских мук считает богохульной, выражая странную убежденность в том, что спасутся все, включая даже демонов; изумляет православного читателя утверждением, что мир сотворен Богом уже с грехом; высказывает вполне несторианскую мысль

много столетий. И византийские, и русские святые отцы, иерархи и богословы никогда не выражали своих сомнений в пользу чтения творений преподобного Исаака и в святости их автора. В Византии греческий перевод «Слов подвижнических» был любимым иноческим чтением даже несмотря на то, что об авторе «Слов» почти ничего не было известно. Их с удовольствием переписывали греческие книжники.

И не только переписывали, но оставляли в рукописях восторженные отзывы о самих текстах и об их авторе. Например, такие: «Медоречивы и спасительны все его наставления, полны Божественной мудрости и благодати. Воистину великим в святости и уразумении Божественных предметов явился сей достойный удивления и богодухновенный муж, пусть даже достоверные сведения о сем достойном отце от нас, недостойных, полностью сокрыты». Книга Исаака Сирина, сказано в предисловии к другой рукописи, «умеет безмолвным духом окрылить ум к пламенным молитвам»; «всякий инок, если преуспел в ее изучении, не отпадет от прямой стези, возводя в свою очередь к высоте созерцания тех, кто со вниманием прилежит этой книге».

Среди внимательных и благодарных читателей творений преподобного Исаака были такие

По благословению Оптинских старцев, изданная книга безвозмездно рассылалась по библиотекам всех духовных академий и семинарий России, в лавры и монастыри, приходские храмы. Преподобный Моисей (Путилов) распорядился послать по экземпляру почти всем епархиальным преосвященным, а также на Афон, в Пантелеимонов монастырь и в знаменитую Нямецкую обитель, место упокоения преподобного Паисия Величковского. Издание и распространение святоотеческих творений продолжил также и преемник старца Моисея — преподобный Исаакий (Антимонов).

Скажем также и о том, что книга «Слов подвижнических», переизданная Оптиной пустыней в 1858 году, была в библиотеке Ф. М. Достоевского. Он пользовался ею при работе над романами «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы». Другой русский великий писатель Н. В. Гоголь, неоднократно бывавший в Оптине, именно здесь открыл для себя преподобного Исаака Сирина как духовного писателя. Его знакомство с ним отразилось в пометках к первому изданию «Мертвых душ». На полях одиннадцатой главы этого произведения его автор написал карандашом: «Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инока. Здравую психологию и не кривое, а прямое

Впрочем, чтобы не множить примеров, приведем последнее свидетельство о святости и православии преподобного Исаака. Разумеется, для ученых оно ни в коей мере не может звучать хоть сколько-нибудь убедительно, но для православного сердца утешительно и отрадно. Не будем пересказывать своими словами, лучше приведем большую цитату из жития недавно прославленного святого, преподобного Паисия Святогорца.

«Однажды старец сидел возле монастыря Ставреникита и беседовал с паломниками. Один из них, выпускник богословского факультета, утверждал, что авва Исаак Сирин был несторианином, и повторял известное западное воззрение по этому вопросу. Старец Паисий пытался убедить богослова в том, что авва Исаак был не только православным, но и святым и что его аскетические слова исполнены многой благодатью и силой. Но богослов упрямо стоял на своем. Старец ушел в свою каливу огорченным и погружился в молитву... По пути ему было видение: он увидел проходящий перед ним лик преподобных отцов. Один из преподобных остановился перед старцем и сказал: “Я Исаак Сирин. Я весьма и весьма православный. Действительно, в той области, где я был епископом, была распространена несторианская ересь, но я с ней боролся”... После этого старец в сентябрьской минее к тексту

“28 дня того же месяца память преподобного отца нашего Ефрема Сирина” дописал своей рукой: “И Исаака, великого исихаста, с которым поступили очень несправедливо”».

Известно также, что преподобный Паисий, очень почитавший преподобного Исаака, рекомендуя читать его мирянам, говорил, что «в книге аввы Исаака содержатся многие духовные “витамины”, благодаря которым это чтение изменяет душу», и что «книга аввы Исаака имеет такую же ценность, как целая библиотека святых отцов». В той книге творений преподобного Исаака, которой он постоянно пользовался, старец написал: «Авва, дай мне твое перо, чтобы я подчеркнул все слова в твоей книге», то есть не только прочел, но усвоил и исполнил самым делом все написанные в ней наставления. Чего мы искренне желаем всем, взявшим в руки книгу творений этого величайшего подвижника, таинозрителя и богослова.

Однако закончим наши рассуждения и предоставим слово самому преподобному Исааку, который говорит: «Кто обрел любовь, тот каждый день и час вкушает Христа и делается от этого бессмертным... Любви достаточно для того, чтобы напитать человека вместо пищи и питья. Вот вино, веселящее сердце человека (см. Пс. 103, 15)! Блажен, кто испиет

О преподобном Исааке Сирине

этого вина! Испили его невоздержные — и устыдились; испили грешники — и забыли пути преткновений; испили пьяницы — и стали постниками; испили богатые — и возжелали нищеты; испили убогие — и обогатились надеждой; испили недужные — и стали сильны; испили невежды — и умудрились».

Да сподобит Господь и нас испить этого таинственного вина любви молитвами подвижника Его Исаака, жившего так давно, но знакомого и любимого сегодня всеми православными людьми, желающими научиться настоящей любви к Богу и ближнему!

Т. Копяткевич

Об отречении от мира и о житии монашеском

Страх Божий есть начало добродетели. Говорят, что он — порождение веры и сеется в сердце, когда ум устранен от мирских хлопот, чтобы свои кружащиеся от парения мысли собрать ему в размышлении о будущем восстановлении. Для того чтобы положить основание добродетели, лучше всего человеку держать себя в устранении от дел житейских и пребывать в слове света стезей правых и святых, какие Духом указал и наименовал псалмопевец (см. Пс. 22, 3; 118, 35). Едва ли найдется, а может быть, и вовсе не найдется такой человек, который бы, хотя будет он и равноангельный по нравам, мог вынести честь. И это происходит, как скажет иной, от скорой склонности к изменению.

Начало пути жизни — поучаться всегда умом в словесах Божиих и проводить жизнь в нищете. Напоение себя одним содействует усовершению в другом. Если напояешь себя изучением словес Божиих, это помогает преуспеянию в нищете; а преуспеяние в нестяжательности доставляет тебе досуг преуспевать в изучении словес Божиих.

Пособие же того и другого содействует к скорому возведению целого здания добродетелей.

Никто не может приблизиться к Богу, если не удалится от мира. Удалением же называю не переселение из тела, но устранение от мирских дел. В том и добродетель, чтобы человек не занимал ума своего миром. Сердце не может пребывать в тишине и быть без мечтаний, пока чувства чем-нибудь заняты.

Телесные страсти не приходят в бездействие, и лукавые помыслы не оскудевают без пустыни. Пока душа не придет в упоение верой в Бога приятием в себя силы ее ощущения, до тех пор не уврачуется немощи чувств, не возможет с силой поправить видимого вещества, которое служит преградой внутреннему, и не ощутит в себе разумного порождения свободы. И плод того и другого — спасение от сетей. Без первого¹ не бывает второго²; а где второе правосшественно, там третья³ связуется как бы уздой.

¹ То есть удаления от мира.

Здесь и далее примечания приводятся по изданию: Творения иже во святыхъ отца нашего аввы Исаака Сириянина, подвижника и отшельника, бывшаго епископомъ христоролюбиваго града Невеніи. Слова подвижническія. Сергіевъ Посадъ: Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, 1911.

² То есть упоения верой в Бога.

³ То есть свобода.

Начало истинной жизни в человеке — страх Божий. А он не терпит того, чтобы пребывать в чьей-либо душе вместе с парением ума. Потому что при служении чувствам сердце отвлекается от усаждения Богом, ибо внутренние помышления ощущением их, как говорят, связуются в самих служащих им чувствилищах.

Сомнение сердца приводит в душу боязнь. А вера может делать произволение твердым и при отсечении членов. В какой мере преодолагает в тебе любовь к плоти, в такой не можешь быть отважным и бестрепетным при многих противоборствах, окружающих любимое тобой.

Желающий себе чести не может иметь недостатка в причинах к печали. Нет человека, который бы с переменой обстоятельств не ощутил в уме своем перемены в отношении к предлежащему делу. Если вождеделение, как говорят, есть порождение чувств, то пусть умолкнут наконец утверждающие о себе, что и при развлечении сохраняют они мир ума.

Целомудрен не тот, кто в труде, во время борьбы и подвига говорит о себе, что прекращаются тогда в нем срамные помыслы, но кто истинностью сердца уцеломудривает созерцание своего ума, так что не внимает он бесстыдно непотребным помыслам. И когда честность совести его свидетельствует о своей верности взглядом

очей, тогда стыд уподобляется завесе, повешенной в сокровенном вместилище помыслов. И непорочность его, как целомудренная дева, соблюдается Христу верой.

Для отвращения предзанятых душой расположений¹ к непотребству и для устранения восстающих в плоти тревожных воспоминаний, производящих мятежный пламень, ничто не бывает так достаточно, как погружение себя в любовь к изучению Божественного Писания и постижение глубины его мыслей. Когда помыслы погружаются в услаждение постижением сокровенной в словах премудрости, тогда человек, благодаря силе, которой извлекает из них просвещение, оставляет позади себя мир, забывает все, что в мире. И изглаждает в душе все воспоминания, все действенные образы овеществления мира, а нередко уничтожает самую потребность обычных помыслов, посещающих природу. Самая душа пребывает в восторге при новых представлениях, встречающихся ей в море тайн Писания.

И опять, если ум плавает на поверхности вод, то есть моря Божественных Писаний, и не может проникнуть своей мыслью Писания до самой глубины, уразуметь все сокровища, таящиеся

¹ То есть прежних впечатлений.

в глубине его, то и того самого, что ум занят рвением к уразумению Писания, достаточно для него, чтобы единым помышлением о досточудном крепко связать свои помыслы и воспрепятствовать им, как сказал некто из богоносных, стремиться к естеству телесному, тогда как сердце немощно и не может вынести озлоблений, встречающихся при внешних и внутренних бранях. И вы знаете, как тягостен худой помысел. И если сердце не занято ведением, то не может преодолеть мятежности телесного возбуждения.

Как тонкости колебания весов в ветреную бурю препятствует тяжесть взвешиваемого, так колебанию ума препятствуют стыд и страх. А по мере оскудения страха и стыда является причина к тому, чтобы ум непрестанно скитался, и тогда, по мере удаления из души страха, коромысло ума, как свободное, колеблется туда и сюда. Но как коромыслу весов, если чаши их обременены очень тяжелым грузом, нелегко прийти уже в колебание от дуновения ветра, так и ум под бременем страха Божия и стыда с трудом совращается тем, что приводит его в колебание. А в какой мере оскудевает в уме страх, в такой же начинают обладать им превратность и изменчивость. Умудрись же в основание своего шествия полагать страх Божий и в немного дней, не делая кружений на пути, будешь у врат Царствия.

Во всем, что встретится тебе в Писаниях, доискивайся цели слóва, чтобы проникнуть тебе в глубину мысли святых и с большой точностью уразуметь ее. Божественной благодатью путеводимые в своей жизни к просвещению всегда ощущают, что как бы мысленный какой луч проходит по стихам написанного и отличает уму голые слова от того, что душевному ведению сказано с великой мыслью. Если человек многозначащие стихи читает, не углубляясь в них, то и сердце его остается бедным и угасает в нем святая сила, которая при чудном уразумении души доставляет сердцу сладостнейшее вкушение.

Всякая вещь обыкновенно стремится к сродному ей. И душа, имеющая в себе удел духа, когда услышит речение, заключающее в себе сокровенную духовную силу, пламенно приемлет содержание этого речения. Не всякого человека пробуждает к удивлению то, что сказано духовно и что имеет в себе сокровенную великую силу. Слово о добродетели требует сердца, не занимающегося землей и близким с ней общением. В человеке же, ум которого утружден заботой о преходящем, добродетель не пробуждает помысла к тому, чтобы возлюбить ее и взыскать обладания ею.

Отрешение от вещества по своему происхождению предшествует союзу с Богом, хотя нередко,

по дарованию благодати, в иных оказывается последнее предшествующим первому, потому что любовью покрывается любовь¹. Обычный порядок дарования благодати иной в порядке, общем для людей. Ты же сохраняй общий чин. Если придет раньше к тебе благодать, это — ее дело. А если не придет, то путем всех людей, каким шествовали они, постепенно иди для восхождения на духовный столп.

Всякое дело, совершаемое созерцательно и исполняемое по заповеди, данной для него, во все не видимо телесными очами. И всякое дело, совершаемое деятельно, бывает сложно, потому что заповедь, которая только одна, именно деятельность ради плотских и бесплотных, имеет нужду в том и другом, в созерцании и в деятельности. Ибо единое есть сочетание созерцания и деятельности.

Дела, показывающие заботливость о чистоте, не подавляют чувства, возбуждаемого памятованием прошедших поступков, но печаль, ощущаемую при этом памятовании, заимствуют из разума. И с этого времени ход припамятования производится в уме с пользой. Ненасытимость души в приобретении добродетели

¹ То есть, как следует из сирийского текста, любовью к Богу вытесняется любовь к земному.

превосходит страсть тела к предметам видимым. Всякую вещь красит мера. Без меры обращается во вред и почитаемое прекрасным.

Хочешь ли умом своим быть в общении с Богом, приняв в себя ощущение оногу услаждения, не порабощенного чувствам? Послужи милостыне. Когда внутри тебя обретается она, тогда изображается в тебе та святая красота, которой уподобляешься Богу. Совокупность добрых дел, сосредоточенная в милосердии, производит в душе, без всякого промедления времени, общение с единым сиянием славы Божества.

Духовное единение есть непрестанное памятование. Оно непрерывно пылает в сердце пламенной любовью, в неуклонении от заповедей заимствуя силу к пребыванию в союзе, не с насилем природе и не по природе. Ибо там¹ находит человек опору для душевного созерцания, чтобы оно прочно утвердилось на ней. Потому сердце приходит в восторг, закрывая свои чувства обоего рода, плотские и душевные. К духовной любви, которая отпечатлевает невидимый образ², нет иной стези, если человек не начнет прежде всего быть щедролюбивым в такой же мере, в какой совершен Отец, как сказал Господь наш, ибо так

¹ То есть в постоянном хранении заповедей.

² Бога в себе.

заповедал Он послушным Ему полагать основание в этом (см. Мф. 5, 48; 19, 21; Лк. 6, 36).

Иное слово действенное, и иное слово красивое. И без познания вещей мудрость умеет украшать свои слова, говорить истину, не зная ее, и толковать о добродетели, хотя сам человек не изведал опытно дела ее. Но слово от деятельности — сокровищница надежды, а мудрость, не оправданная деятельностью, — залог стыда.

Что художник, который живописует на стенах воду и не может этой водой утолить своей жажды, и что человек, который видит прекрасные сны, то же и слово, не оправданное деятельностью. Кто говорит о добродетели то, что сам испытал на деле, тот так же передает это слушающему его, как иной отдаст другому деньги, добытые своим трудом. И кто из собственного стяжания сеет учение в слух внемлющих ему, тот с дерзновением отверзает уста свои, говоря своим духовным чадам, как престарелый Иаков сказал целомудренному Иосифу: *Аз же даю ти единую часть свыше братии твоя, юже взях из руки аморрейски мечем моим и луком* (Быт. 48, 22).

Всякому человеку, который живет нечисто, вожделенна жизнь временная. Второй по нем, кто лишен веденія¹. Прекрасно сказал некто, что

¹ То есть знания добра.

страх смертный печалит мужа, осуждаемого своей совестью. А кто имеет в себе доброе свидетельство, тот столько же желает смерти, как и жизни. Не признавай того истинным мудрецом, кто ради этой жизни порабощает свой ум боязни и страху.

Все доброе и худое, что ни приключается с плотью, почитай за сновидение. Ибо не в смерти одной отретишься от всего, но часто и прежде смерти оставляет это тебя и удаляется. А если что-либо из этого имеет общение (связь) с душой твоей, то почитай это своим стяжанием в этом веке; оно пойдет с тобой и в век будущий. И если это — нечто доброе, то веселись и благодари Бога в уме своем. Если же это — нечто худое, то будь прискорбен, и воздыхай, и старайся освободиться от этого, пока ты в теле.

Будь уверен, что ко всякому доброму делу, совершаемому в тебе сознательно или бессознательно, посредниками для тебя были крещение и вера, посредством которых призван ты Господом нашим Иисусом Христом на дела Его благие. Со Отцем и Святым Духом Ему слава, и честь, и благодарение, и поклонение во веки веков! Аминь.

О благодарности Богу, с прибавлением краткого изложения первоначальных учений

Благодарность приемлющего побуждает дающего давать дары, бóльшие прежних. Кто неблагодарен за малое, тот и в бóльшем лжив и неправеден. Кто болен и знает свою болезнь, тот должен искать врачевства. Кто сознает болезнь свою, тот близок к своему уврачеванию и легко найдет его. Жестокостью сердца умножаются его болезни, и если больной противится врачу, мучение его увеличивается. Нет греха непростительного, кроме греха нераскаянного. И дар не остается без удвоения, разве только когда нет за него благодарности. Часть того, кто неразумен, мала в глазах его.

Содержи всегда в памяти превосходящих тебя добродетелью, чтобы непрестанно видеть в себе недостаток против их меры. Содержи всегда в уме тягчайшие скорби скорбящих и озлобленных, чтобы самому тебе воздавать должное благодарение за малые и ничтожные скорби, бывающие у тебя, и быть в состоянии переносить их с радостью.

внутри тебя, сокровенна в душе твоей. В себя самого погрузись от греха, и найдешь там восхождения, по которым в состоянии будешь восходить.

Писание не истолковало нам, что́ суть вещи будущего века. Но оно просто научило нас, как ощущение наслаждения ими мы можем получить еще здесь, прежде естественного изменения и исшествия из этого мира. Хотя Писание, чтобы возбудить нас к вожделению будущих благ, изобразило их под именами вещей, у нас вожделенных и славных, приятных и драгоценных, когда говорит: *Ихже око не виде, и ухо не слыша* (1 Кор. 2, 9) и прочее, но этим возвестило нам то, что будущие блага непостижимы и не имеют никакого сходства с благами здешними.

Духовное наслаждение не есть пользование вещами, самостоятельно пребывающими вне души приемлющих. А иначе сказанное: *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17, 21) и: *Да придет Царствие Твое* (Мф. 6, 10) будет уже означать, что внутри себя приняли мы вещество чего-то чувственного, в залог заключающегося в этом наслаждения.

Ибо необходимо, чтобы самое стяжание было подобно залогу и целое — части. И сказанное *якоже зеркалом* (1 Кор. 13, 12) хотя не указывает на самостоятельно пребывающее, однако же означает приобретение подобия. А если истинно

исполненный умиления, — и Бог сохранит ум твой от помыслов нечистых и скверных, да не укорится о тебе путь Божий. Постоянно упражняй себя в размышлении, читая Божественные Писания с точным их разумением, чтобы при праздности твоего ума не осквернялось зрение твое чужими сквернами непотребства.

Не решайся искушать свой ум непотребными помыслами или зрением вводящих тебя в искушение лиц, даже когда думаешь, что не будешь преодолен этим, потому что и мудрые таким образом омрачались и впадали в безумие. Не скрывай пламени за пазухой своей без сильных скорбей плоти своей (см. Притч. 6, 27).

Юности трудно без обучения отдаться под иго святыни. Начало помрачения ума (когда признак его начинает открываться в душе) прежде всего усматривается в лености к Божией службе и к молитве. Ибо, если душа не отпадет сперва от этого, нет иного пути к душевному обольщению; когда же лишается она Божией помощи, легко впадает в руки противников своих. А также, как только душа делается беспечной к делам добродетели, непременно увлекается в противное им. Ибо переход с какой бы то ни было стороны есть уже начало стороны противной. Доброделание есть попечение о душевном, а не о суетном. Непрестанно открывай

древними святыми, что если ум вознамерится взойти на крест прежде, чем чувства его, исцелясь от немощи, придут в безмолвие, то постигает его Божий гнев. Это восхождение на крест, навлекающее гнев, бывает не в первой части терпения скорбей, то есть распятия плоти, но когда человек входит в созерцание; а это есть вторая часть, следующая за исцелением души.

У кого ум осквернен постыдными страстями и кто поспешает наполнить ум свой мечтательными помыслами, тому заграждаются уста наказанием за то, что, не очистив прежде ума скорбями и не покорив плотских вожделений, но положившись на то, что слышало ухо и что написано чернилами, устремился он прямо вперед, идти путем, исполненным мраков, когда сам слеп очами. Ибо и те, у кого зрение здорово, будучи исполнены света и приобретя себе вождей благодати, день и ночь бывают в опасности, между тем как очи у них полны слез и они в молитве и в плаче продолжают служение свое целый день и даже ночь по причине ужасов, ожидающих их в пути, и встречающихся им страшных стремнин и образов истины, оказывающихся перемешанными с ее обманчивыми призраками.

Говорят, что от Бога, то приходит само собой, а ты и не почувствуешь. Это правда, но только если место чисто, а не осквернено. Если же

Созерцание — это ощущение Божественных тайн, сокровенных в вещах и в их причинах. Когда слышишь об удалении от мира, об оставлении мира, о чистоте от всего, что в мире, тогда нужно сначала понять и узнать, но понятием не просто-народным, а чисто разумным, что значит самое наименование «мир», из каких различий составляется это имя, и ты в состоянии будешь узнать о душе своей, сколько далека она от мира и что примешано к ней от мира. Слово «мир» есть имя собирательное, обнимающее собой так называемые страсти. Если человек не знал прежде, что такое мир, то не достигнет он до познания, какими членами далек от мира и какими связан с ним.

Много есть таких, которые двумя или тремя членами отрешились от мира, отказались от общения с миром и подумали о себе, что стали они чуждыми миру в житии своем, потому что не уразумели и не усмотрели премудро, что двумя только членами умерли они миру, прочие же их члены в теле живут миру. Впрочем, не возмogli они сознать в себе и страстей своих, и так как не признали их, то не позаботились и об их уврачевании.

По умозрительному исследованию, миром называется и состав собирательного имени, объемлющего собой отдельно взятые страсти. Когда вообще хотим наименовать страсти, называем их миром, а когда хотим различать их по разным

их наименованиям, называем их страстями. Страсти же — это части преемственного течения мира, и где прекращаются страсти, там мир стал в своей преемственности.

И страсти суть следующие: приверженность к богатству, к тому, чтобы собирать какие-либо вещи; телесное наслаждение, от которого происходит страсть плотского вожделения; желание чести, от которого истекает зависть; желание распорядиться начальственно; надмение благолепием власти; желание наряжаться и нравиться; искание человеческой славы, которая бывает причиной злопамятства; страх за тело. Где страсти эти прекращают свое течение, там мир умер. И в какой мере недостает там некоторых из этих частей, в такой мере мир остается вне, не действуя теми частями состава своего, как и о святых сказал некто, что, будучи еще живы, стали они мертвы, потому что, живя во плоти, жили не по плоти.

И ты смотри, какими из этих частей живешь. Тогда узнаешь, какими частями ты живешь и какими умер миру. Когда познаешь, что такое мир, тогда из различия всего этого познаешь и то, чем связан ты с миром и чем отрешился от него. И скажу короче: мир есть плотское житие и мудрование плоти. По тому самому, что человек исхитил себя из этого, познается, что исшел он

из мира. И отчуждение от мира познается по этим двум признакам: по превосходнейшему житию и по отличию понятий самого ума.

Из этого наконец возникают в мысли твоей понятия о вещах, в которых блуждает мысль своими понятиями. По ним уразумеешь меру жития своего: вожделевает ли чего естество без насилия себе, есть ли в тебе какие прозябения неистребляемые или какие производимые только случаем; пришел ли ум в сознание понятий совершенно нетелесных, или весь он движется в вещественном, и это вещественное страстно. Ибо печати овеществления дел, под какими ум невольно представляется во всем, что ни совершает, суть добродетели. В них-то без немощи заимствует для себя причину к горячности и собранности помыслов с доброй целью потрудиться телесно, для упражнения этой горячности, если только делается это нестрасно. И смотри, не изнемогает ли ум, встречаясь с этими печатями тайных помыслов, по причине лучшего пламенения по Богу, которым обыкновенно отсекаются суетные памятования.

Этих немногих признаков, показанных в этой главе, взамен многих книг достаточно будет к тому, чтобы просветить человека, если он безмолвствует и живет в отшельничестве. Страх за тело бывает в людях настолько силен,

Прп. Меаак Сирин. Слово 2

что вследствие его нередко остаются они неспособными свершить что-либо достославное и досточестное. Но когда на страх за тело приникает страх за душу, тогда страх телесный изнемогает перед страхом душевным, как воск от силыжигающего его огня. Богу же нашему слава во веки веков! Аминь.

Содержание

Т. Копяткевич. Преподобный Исаак Сирин.
Кем был автор «Слов подвижнических»? 5

Слово 1. Об отречении от мира
и о житии монашеском 34

Слово 2. О благодарности Богу,
с прибавлением краткого изложения
первоначальных учений 45

Слово 3. О том, что душа до познания Божией
премудрости и Божиих тварей доходит без труда,
если безмолвствует вдали от мира и житейских
попечений, ибо тогда может познавать естество
свое и те сокровища, какие имеет сокрытыми
внутри себя 57

Слово 4. О душе, о страстях и о чистоте ума
в вопросах и ответах 61

Перечисление движений помыслов 67

Слово 5. О чувствах, а также и об искушениях 70

Слово 6. О милосердии Владыки, по которому
с высоты Своего величия Он снизошел
к немощи человеческой, и об искушениях 79

Слово 7. О грехах произвольных,
непроизвольных и совершаемых
по какому-нибудь случаю 83

Совет преподобного Мартиниана 86

Содержание

<i>Слово 8.</i> О хранении и блюдении себя от людей расслабленных и нерадивых. О том, что от сближения с ними воцаряется в человеке нерадение и расслабление и он исполняется всякой нечистой страсти, и о хранении себя от близости с юными, чтобы ум не осквернился непотребными помыслами	89
<i>Слово 9.</i> О чине и уставе новоначальных и о том, что прилично им	101
<i>Слово 10.</i> Сказания святых мужей, их преподобные изречения и чудное житие	107
<i>Слово 11.</i> О ветхом старце	110
<i>Слово 12.</i> О другом старце	113
<i>Слово 13.</i> О вопросе одного брата	115
<i>Слово 14.</i> Об одном укоренном брате	118
<i>Слово 15.</i> О разных отличиях безмолвия, о власти ума и о том, сколько властен ум возбуждать собственные свои движения при разных видах молитвы, какой предел дан молитве самим естеством и до какого предела молитва твоя уже не молитва, хотя совершаемое тобой и называется молитвой	125
<i>Слово 16.</i> О чистой молитве	128
<i>Слово 17.</i> О душе, ищущей глубокого созерцания, чтобы погрузиться в него от плотских помыслов, возбуждаемых памятованием вещей	139
<i>Слово 18.</i> О видении естества бесплотных, в вопросах и ответах	145

Содержание

<i>Слово 19.</i> Образец умозрения о дне воскресном и о субботе и приточное их значение	153
<i>Слово 20.</i> Ежедневное напоминание о том, что всего нужнее и что весьма полезно пребывающему в своей келье и решившемуся быть внимательным к одному только себе	157
<i>Слово 21.</i> О разных предметах. В вопросах и ответах	160
О посте и бдении	171
О различии слез	177
<i>Слово 22.</i> О том, что тело, которое боится искушений, делается другом греха	202
<i>Слово 23.</i> Послание, писанное к одному брату, любителю безмолвия	205
<i>Слово 24.</i> Послание к некоему брату естественному и духовному, который, живя в мире и желая видеться с Исааком, убеждал и умолял в своих письмах прийти к нему	212
<i>Слово 25.</i> О трех способах ведения; о разности их делания и понятий; о вере души, о таинственном богатстве, в ней сокровенном, и о том, насколько ведение мира сего отличается в своих способах от простоты веры	214
<i>Слово 26.</i> О первой степени ведения	225
<i>Слово 27.</i> О второй степени ведения	229

Содержание

<i>Слово 28.</i> О третьей степени ведения, которая есть степень совершенства	231
Совокупное обозрение трех ведений	233
<i>Слово 29.</i> Об иных образах и понимании различия ведения	237
<i>Слово 30.</i> Об образе молитвы и о прочем, необходимо потребном для вседневного памятования и во многих отношениях полезном, если сохранит это читающий с рассуждением	239
О хранении памятований	240
О разных степенях любви	243
О том, как должно тебе молиться без кружения мыслей	243
Заметь, от чего рождается уныние и от чего парение ума	245
О том, что должно не прекословить лукавым помыслам, но повергать себя перед Богом	245
О слезах	246
О рукоделии и о сребролюбии	247
<i>Слово 31.</i> Об отшельничестве и о том, что должно нам не в боязнь приходить и устрашаться, но подкреплять сердце упованием на Бога и иметь дерзновение с несомненной верой, потому что стражем и хранителем имеем Бога	249
О выгодах, доставляемых искушениями тем, которые терпят их с благодарностью и мужественно	251

Содержание

О том, что хранение языка не только заставляет ум воспрянуть к Богу, но и содействует воздержанию	253
<i>Слово 32.</i> О том, чем сохраняется тайное, внутреннее в душе трезвение, и откуда приходят сонливость и холодность в уме и угашают в душе святую горячность и умерщвляют стремление к Богу, лишив душу горячности к духовному и небесному	255
<i>Слово 33.</i> О многих изменениях, последующих уму и испытуемых молитвой	260
<i>Слово 34.</i> О тех, которые живут наиболее близко к Богу и проводят дни свои в жизни ведения	263
<i>Слово 35.</i> О любви к миру	267
<i>Слово 36.</i> О том, что не должно желать или домогаться без нужды иметь у себя в руках какие-либо явные знамения	272
<i>Слово 37.</i> О том, по какой причине Бог попускает искушения любящим Его	277
<i>Слово 38.</i> О том, как по возбуждающимся в человеке помыслам узнавать, на какой степени он стоит	281
<i>Слово 39.</i> О том, почему люди душевные прозирают ведением в нечто духовное соразмерно с телесной дебелостью; как ум может возноситься над ней; какая причина тому, что не освобождается	

Содержание

от нее; когда и в какой мере можно уму пребывать без мечтания в час молитвы	289
<i>Слово 40.</i> О молитве, поклонах, слезах, чтении, молчании и псалмопении	294
<i>Слово 41.</i> О молчании	300
<i>Слово 42.</i> Послание к одному из возлюбленных Исааком, в котором предлагает он: а) учение о тайнах безмолвия и о том, что многие по незнанию этих тайн нерадят об этом чудном делании, бóльшая же часть держится пребывания в кельях, по преданию, ходящему у иноков, и б) краткий свод относящегося к сказанию о безмолвии	308
<i>Слово 43.</i> О разных предметах и о том, какая нужда в каждом из них	316
<i>Слово 44.</i> О том, как рассудительному дóлжно пребывать на безмолвии	323
<i>Слово 45.</i> О порядке тонкой рассудительности	329
<i>Слово 46.</i> Об истинном ведении, об искушениях и о необходимости точно знать, что не только люди невысокие, немощные и необучившиеся, но и сподобившиеся на продолжительное время бесстрастия, достигшие совершенства в образе мыслей, приблизившиеся отчасти к чистоте, сопряженной с омертвлением, — ставшие выше страстей, пока они в мире сем, по Божию попущению от сопряжения жизни их со страстной плотью пребывают в борении и по причине плоти терпят беспокойство	

Содержание

от страстей, потому что по милости бывает поущение на них за падение их в гордыню	336
<i>Слово 47.</i> Общее содержание этой главы, и о молитве	346
<i>Слово 48.</i> О различии добродетелей и о совершенстве всего поприща	352
О смирении	360
<i>Слово 49.</i> О вере и о смиренномудрии	365
<i>Слово 50.</i> О пользе бегства от мира	379
<i>Слово 51.</i> О том, посредством чего можно человеку с изменением внешнего образа жизни приобрести изменение в сокровенных мыслях	381
<i>Слово 52.</i> О ночном бдении и о различных способах его делания	388
<i>Слово 53.</i> О том, какую честь имеет смиренномудрие и как высока степень его	392
<i>Слово 54.</i> О разных предметах, в вопросах и ответах	401
<i>Слово 55.</i> Послание к преподобному Симеону Чудотворцу	406
<i>Слово 56.</i> О любви к Богу, об отречении от мира и об упокоении в Боге	457
<i>Слово 57.</i> Об удалении от мира и от всего смущающего ум	477
<i>Слово 58.</i> О том, что Бог на пользу душе попустил, чтобы она была доступна страстям, и о подвижнических деланиях	499

Содержание

<i>Слово 59.</i> О чине монашеского жития, о сокращении и различии его и о том, почему и каким образом добродетели рождаются одна от другой	518
<i>Слово 60.</i> О различных способах брани, какую диавол ведет с шествующими путем тесным, превысшим мира	521
О первом способе диавольских браней	521
О втором способе диавольских браней	524
О третьем способе вражеской брани с сильными и мужественными	528
О четвертой противодейственной вражеской брани	529
<i>Слово 61.</i> О том, что полезно человеку для приближения его в сердце своем к Богу, какая истинная причина сокровенно приближает к нему помощь и какая опять причина приводит человека в смирение	536
<i>Слово 62.</i> О словесах Божественного Писания, побуждающих к покаянию, и о том, что изречены они по немощи человеческой, чтобы люди не погибли, отпав от Бога живаго, и что не должно понимать их как повод к тому, чтобы грешить	543
<i>Слово 63.</i> О том, чем охраняется доброта иноческого жития, и о чине славословия Божия	548
<i>Слово 64.</i> О перемене и превратности, какая бывает в шествующих установленным от Бога путем безмолвия	551

Содержание

- Слово 65.* О безмолвствующих: когда начинают они понимать, до чего простерлись своими делами в беспредельном море, то есть в безмолвном житии, и когда могут несколько надеяться, что труды их стали приносить плоды 553
- Слово 66.* О том, что рабу Божию, обнищавшему в мирском и ишедшему взыскать Бога, из страха, что не достиг уразумения истины, не должно прекращать искания и охладевать в горячности, порождаемой любовью к Божественному и исследованием тайн Божиих; о том, как ум оскверняется страстными припоминаниями 556
- Слово 67.* О видах надежды на Бога, о том, кому должно надеяться на Бога и кто надеется безрассудно и неразумно 559
- Слово 68.* Об отречении от мира и о воздержании от вольного обращения с людьми 565
- Слово 69.* О том, что безмолвникам полезно не иметь забот и вредны входы и выходы 570
- Слово 70.* О путях, приближающих к Богу и открывающихся человеку из приятности дел ночного бдения, и о том, что делатели его все дни своей жизни питаются медом 574
- Слово 71.* О силе и действенности греховных зол, чем они производятся и чем прекращаются 581

Содержание

<i>Слово 72.</i> О хранении сердца и о тончайшем созерцании	590
<i>Слово 73.</i> О признаках и действиях любви к Богу	593
<i>Слово 74.</i> О видах добродетелей	595
<i>Слово 75.</i> О непрестанном посте и о том, чтобы собрать себя воедино, и о последствиях этого, и о том, что посредством ведения различий обучился он правильному употреблению всего подобного	599
<i>Слово 76.</i> О молчании и безмолвии	612
<i>Слово 77.</i> О телесном движении	614
<i>Слово 78.</i> О видах разных искушений и о том, сколько сладости имеют искушения, бывающие и претерпеваемые за истину, и по каким степеням восходит человек	619
Искушения друзей Божиих, которые смиренномудры	624
<i>Слово 79.</i> О гордости. Искушения врагов Божиих, которые горды	626
<i>Слово 80.</i> Об изъяснении видов добродетели и о том, какова сила и какое различие каждого из них	630
<i>Слово 81.</i> Об очищении тела, души и ума	635
<i>Слово 82.</i> Содержащее в себе предметы полезные, исполненные духовной мудрости	636
<i>Слово 83.</i> О покаянии	637

Содержание

<i>Слово 84.</i> О том, как велика бывает мера ведения и мера веры	641
<i>Слово 85.</i> Содержащее в себе исполненные пользы советы, какие с любовью изглагодал слушающим его со смирением	646
<i>Слово 86.</i> Об ангельском движении, возбуждаемом в нас по Божию Промыслу для преуспяния души в духовном	660
<i>Слово 87.</i> О втором делании в человеке	663
<i>Слово 88.</i> Об изменении света и тьмы, какое бывает в душе во всякое время, и об уклонении ее к десным или шуим	665
<i>Слово 89.</i> О вреде безрассудной ревности, прикрывающейся личиной ревности Божественной, и о помощи, какая бывает от кротости и других нравственных качеств	668
<i>Слово 90.</i> О невольных лукавых помыслах, происходящих от предшествовавших им расслабления и нерадения	680
<i>Слово 91.</i> О терпении из любви к Богу и о том, как терпением приобретается помощь	688

